

АЛЕКСЕЙ
ВИНОКУРОВ

АНГЕЛ
ПРИГЛЯДА

Москва
2019

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В49

Оформление серии – *Петр Петров*

Винокуров, Алексей Юрьевич.

В49 Ангел пригляда / Алексей Винокуров. – Москва :
Эксмо, 2018. – 384 с.

ISBN 978-5-04-098239-4

Двое душевнобольных, которым испокон веку приписывается тайнознание блаженных, оказываются вне клиники, разгромленной в боях за Донбасс. Один ощущает себя архангелом Михаилом, другая – святой Екатериной Александрийской. И, как это часто происходит в пространстве гофманского двоемирия, вполне возможно, таковыми и являются. У них есть цель – прийти в столицу, чтобы предотвратить Армагеддон. Удается ли?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-098239-4

© Винокуров А., 2018

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2018

*Узел жизни, в котором мы узнаны
И развязаны для бытия...*

О. МАНДЕЛЬШТАМ

Книга первая
СФЕРЫ

Глава 1

ДОКТОР ЯСИНСКИЙ

Осторожно, таясь и остерегаясь, высунул доктор Ясинский нос на улицу, повел глазами налево, потом направо... Орков не было видно. Впрочем, не глазам он сейчас доверял — а именно, что носу, шестому чувству, спинному мозгу, звериным инстинктам. Чуткие, зубастые, поднялись они из глубин подсознания, сторожевыми псами легли рядом — смотрели, слушали, принохивались, готовые в любой миг с лаем броситься на врага или, поджав хвост, метнуться прочь...

Вокруг вихрился бледный стылый туман. Ледяная снежинка легла доктору на щеку, потеплела, изошла горячей слезой, скользнула по подбородку, упала на землю, выжгла в насте мельчайший дырявый кратер и пропала навеки. Метель взвыла: она мела и свистела теперь по всем четырем сторонам света, над головой и по земле.

Доктора передернуло — выходить прямо в пургу показалось страшно... Зябко, холодно, неуютно, но больше всего — страшно. Снег стоял в воздухе столбом, словно мертвец поднялся из гроба, ветер хлопал полами его савана, белые глаза глядели слепо.

— Закрывайте, — бросил доктор через плечо, будто боялся отвернуть лицо, боялся, что мертвец упадет на него всей своей хладной громадой, упадет, задавит, вобьет в мерзлую землю по самые брови.

Он потоптался еще на пороге секунду-другую, не решаясь отпустить ручку двери... Топчись не топчись, а идти все равно надо. Ясинский вздохнул, сделал шаг вперед и сразу оказался посреди метели. Снег мгновенно, как из мешка, засыпал ему лицо и брови, ветер кошкой прыгнул за воротник, сухо хлестнул по щекам, потом утих на миг, отступил, застыл, глядел, удивляясь дерзости человека.

— С богом, доктор, — вслед ему прошептала старшая медсестра, неловкой рукой перекрестила его в спину, торопливо рванула дверь на себя, обиженно взвизгнул рыжий засов.

Доктор, видела она, сделал несколько шагов и пропал в белой сыпучей мгле...

Но пропал не насовсем, не навеки. Через несколько шагов, там, где в метели была дыра, он снова вынырнул на божий свет. Шел он осторожно, но уверенно, смотрел под ноги, ища под снежной трухой серые следы асфальтовых дорожек. Столько лет он ходил по ним, что сейчас, наверное, мог бы идти и с закрытыми глазами, не глядя. Но смотреть было надежнее, и он смотрел.

Так он пробирался среди пурги, нащупывая дорогу глазом и ногой, то исчезая совсем, то снова выныривая, туманный в своем темном пальто, как зимняя рыба во льду. Плохо было рыбе во льду, бросало из жара в холод — сейчас бы не метель месить, а пристроиться в кабинете, листать истории болезней, и чтобы старшая медсестра чаю принесла, горячего, сладкого.

Ветер ударил в лицо мелким льдистым песком, ослепил, перебил дыхание. Святой Боже, Святой Крепкий, бессмертный... Будь его воля, ни за что бы не вылез доктор из простуженной, мокрой, но все еще жилой, живой еще психиатрической лечебницы номер пять. Здесь по волчьему военному времени исполнял он временные обязанности главного врача. Что значит временные? А вот то и значит: до

времени смерти, до шальной пули, слепого снаряда; свистнет, ухнет, долбанет в мерзлую землю, плюнет кровавыми осколками — и нет доктора Ясинского, поминай как звали кандидата наук Станислава Владиславовича, диссертация «Клинико-социальные особенности суицидального поведения населения Одесской области»...

Ну, и начистоту, между нами: разве не суицид — высунуться в такое время из больницы, забубенной головушкой вперед? Все же какие-никакие стены вокруг, двери, кое-где даже целые окна. А где стекло на окнах нет, там дуется-пыхнет гуманитарная пленка, пока не разодрали ее на теплицы бережливые пейзажи. Здесь же, среди пурги, царил чистая жуть, пошвыстывали шальные пули, раздельно тукал пулемет и дальним голосом, поддельной манной небесной гудела артиллерия, посылая на город свои смертельные, туго упакованные презенты.

Суицид, друзья, совершенный суицид, тут и спорить не надо. Так оно всегда и бывает — что изучаешь, тем и становишься. Но с доктором был особенный случай. Не от любви к самоубийству полез он медведем-шатуном прямо в метель — от крайней необходимости. Препараты, болезные, пришли к концу, настал им полный капут — а все война проклятая и перебои со снабжением. Пациентам ведь не объяснишь, почему исчезли галоперидол с циклодолом, а вместо них пышным цветом расцвели психозы, аффекты и навязчивые состояния.

И были бы тут самому доктору конец и абзац, крышка и гроб, когда бы не ближняя аптека. Удалось договориться, чтобы они заказали хоть что-то из нужного — пусть и за любые деньги, — а доктор Ясинский потом бы и забрал. Вот куда теперь, ослепший и оглохший, брел он среди пурги и метели.

Последний раз лекарства им завезли волонтеры еще две недели назад. Тогда же главврач Онопко подсуетился: отыскал где-то автобус, набил его больными

на эвакуацию — самыми тяжелыми, конечно, легкие остались в городе хвори мыкать.

Автобус для перевозки явился ржавый, побитый, невесть откуда выкопанный, неизвестно, ездит ли вообще. Еще с блаженных мирных времен висела в нем, мозолила глаза жестяная табличка, упреждающая, что водитель «зобов'язаний давати квитки». Кому он был среди этого хаоса и ада «зобов'язаний», зачем, что это за квитки такие — за прошедшие недели все это напрочь забылось, выжгло из памяти, словно огнеметом или НУРСом ударило в башку. Череп был цел, а вот память спалило дотла, до того, что и самые простые слова не лезли в голову, а русский язык, собака, путался с украинским.

Доктор Ясинский стоял спиной к больнице, заледенело глядел, как самых тяжелых пациентов, словно каменных, заводили в автобус, как добрейшая тетя Нюра, санитарка, подбежала и, смущаясь, навязала на зеркало заднего вида спасительную белую тряпочку. Другую тряпочку главный врач Оночко присобачил на свои «Жигули» сам — тоже белую, на зеркало и на антенну. Из «Жигулей» этих, кровавых, красных, набитых стреноженными буйными, испуганно тарасились сами буйные: не понимали, куда, зачем, что за наказание такое, привязали бы лучше к кроватям, вкололи бы лекарство, побились, помучились, да и полно...

За спиной у Ясинского, глядя на тряпочки, переговаривались остающиеся психи.

— Зачем белые, кто их на снегу углядит?..

— Заколдованные они, бабкой Любихой заряженные. Оберег это, отворот от смерти... Снаряд увидит, да и в сторону свернет...

Ой, не свернет этот снаряд, мрачно думал доктор, не сворачивают снаряды, одни управляемые ракеты, да и те в сторону смерти глядят, лишь бы им за живой душой погнаться. И никто, конечно, не увидит из адского своего, вражеского далека эти белые полоски на машинах, а если и увидит, все равно наплевать. Но

ничего этого не сказал Ясинский, махнул, не глядя, рукой, погнав больных в корпус — те затрусилы послушно, потому что легкие были, без важной придури.

Доктор Ясинский смотрел им вслед... как меняются времена. Совсем недавно, еще в Древнем Риме, психов битьем лечили, а нынче все им на тарелочке: белые простыни, галоперидол, смирительные рубахи бесплатно. Обстрелы только вредят немного, нервозность повышают, а так — живи да радуйся, если только гаубицей не накроет... Впрочем, гаубиц боялись мало — долбанет и откатит, боялись «градов»: тут уж если убьет, так убьет.

...А главврач Онопко все топтался среди белых сугробов, скрипел снегом, смотрел в небо, на дорогу, медлил, не решался. Потом все-таки подошел к Ясинскому, взял его руку обеими своими, сжал, искательно глядя снизу бессонными, красными, и черными в бусинку, как у мыши, глазами. Вдруг не выдержал, ткнулся тусклой лысой головой доктору в подбородок, прямо в серую щетину, затрясся в сухих рыданиях.

— Простите, если можете... На произвол судьбы бросаю...

От главврача слабо пахло медицинским спиртом, он пропитался им в последние дни насквозь, как будто не пил его, а обливался утром и вечером вместо одеколona, или, может, ванны принимал. Хотя этого уж точно быть не могло — не те у них запасы, чтобы в ванну со спиртом лезть. Пил, пил Онопко, проспиртовался до кишок, до мозговой извилины. В обычной жизни крепкий казался человек, а войны, смерти не выдержал — сломался.

— Ну, что вы, Петр Петрович, какое там бросаю... — надо было утешить Онопко, ему еще с полной машиной буйных через линию фронта ехать. — Будет оказия — вернетесь, заберете оставшихся.

— Верно, заберу. — Главврач поднял голову, преданно моргал мышинными глазами, смотрел на доктора с надеждой, будто сам он оставался в военном городе, а Ясинский должен был его спасти. — Всене-

пременно вернусь, дорогой мой, вернусь и заберу, верьте слову.

И главврач, боясь снова потерять самообладание, вытряхнул руку доктора из своих, повернулся и побежал к машине старческой тряской трусцой. Хлопнула дверь, взревел мотор, двинулся, гремя железными потрохами, автобус, за ним, скользя и прогазовывая в снегу, катились красные «Жигули», главврач за рулем торопливо смахивал с глаза вороватую слезинку...

Так, не торопясь, выехали они за ворота, к выходу, к спасению — только больные таращились на Ясинского, прижавши перепуганные лица к стеклам. А за забором уже ползли, ползли чередой другие автомобили с белыми слабыми полосками на антеннах, на зеркалах — словно в траурный поход двинулся почти весь город.

Соврал, соврал главврач Онопко Петр Петрович, докторская диссертация «Клинические особенности протекания острых алкогольных галлюцинозов в условиях традиционной терапии». Не приехал он ни завтра, ни потом... Может, угодил на обратном пути под обстрел, может, орки не пустили. А может, просто запил по-черному, до острых алкогольных галлюцинозов, в народе именуемых белочкой и чертями зелеными. Это бывает, особенно с людьми, вернувшимися из зоны военных действий, людьми, обещавшими, да не выполнившими своих обещаний.

А орки — что ж, орки вроде погоды, на которую, как известно, неча пенять, коли рожа крива. Или вы думали, что везде они наступают, а нас обойдут деликатно, по ленточке? Да еще и остальных предупредят: «Не будем, друзья, беспокоить доктора Ясинского Станислава Владиславовича и пользующихся им психов — всех, как один, чрезвычайно достойных людей...» Может, где-то в Крыму и водятся такие орки — вежливые, зеленые, но только не у нас, на Юго-Востоке.

А наши орки, не будь дураки, взяли в кольцо больницу, обложили стальным вороньим станом, никого

не впускали, не выпускали, только Ясинского, да и то не всякий раз. Пестрые они были, орки, разнокалиберные, сразу видно, что добровольцы. Настоящие вежливые только погоны спарывали и приезжали сюда повзводно и поротно. Каждый знал, кто в каком чине и кому как честь отдавать. А эти, которые у нас, совсем разношерстные оказались, со всего поля ягода, хуже только казаки тупоносые...

Ко всему счастью, орки были еще и осатаневшие, и не от войны, а по жизни такие. Убивали весело, игриво, с матерком — нравилось им это дело. Вежливые же отпускники или, проще сказать, кадровые, глядели на все равнодушно — ничего личного, просто война. Надо убить — убьем, не надо — тоже убьем, но без радости, без воодушевления.

Хотя, справедливости ради, дело свое душегубское орки тоже знали туго, у них даже пушка была. Они эту пушку разворачивали в украинскую сторону и били не то чтобы прямой наводкой, но тоже довольно прицельно. Укры в ответ бесились, но ударить чем-то серьезным остерегались: знали, что в больнице ненормальные и за такое варварство никто их по головке не погладит — ни ООН, ни ПАСЕ, ни свои же генералы, зря просиживающие галифе в Киеве, матери городов русских, да и всей, что греха таить, святой Руси.

Ясинский, мало на что надеясь, пару раз все-таки ходил к оркам, упрасивал их отойти подальше: боялся, что не выдержат укры, помолясь, долбанут по больнице, разнесут все к чертовой матери. Орки смотрели снисходительно, посмеивались, скребли в грязной пороховой щетине, но от тактики своей отказаться не желали. Такая, говорили, наша стратегия. Мы, говорили, жизнь свою должны беречь, чтобы вас, дураков, спасти от фашистов и жидобандеровцев.

— Видал, лупят по городу почем зря — по жилым кварталам, кстати сказать?! — спрашивал доктора главный орк, больше на гоблина похожий, или даже